

ПРОЛОГ

Май 1496 г.

Горы Чевиот-Хилс

Граница между Англией и Шотландией

Выгнувшись во весь рост, Лахлан Мак-Рат лежал на пропитанной кровью земле. Он вглядывался в безоблачное утреннее небо и слушал, как стонут измученные болью раненые.

Весенняя трава, густая и яркая, была покрыта телами погибших и умирающих. Появились первые лучи солнца и рассеяли предрассветный туман над вершинами холмов. Легкий ветерок покачивал опущенные головки желтых лютиков и голубых колокольчиков. Обезображенные трупы, многие с обрубленными конечностями, лежали среди цветов, глядя застывшими глазами в небеса. Продавленные шлемы, сломанные мечи, топоры и копья были безмолвными свидетелями жестокого сражения. Оставшиеся в живых боевые кони мирно щипали траву рядом с телами своих павших хозяев.

С рассветом сюда сползутся мародеры... Они уже ждут удобного момента, чтобы снять с мертвых все, что представляет хоть какую-нибудь ценность: доспехи, кинжалы, сапоги, ремни. Хорошо, если первыми появятся шотландцы. Если же нет, то его ожидает неминуемая смерть. И ему, черт возьми! остается только одно — ждать. Лахлан лежал, придавленный к земле трупом своего коня. Всю ночь он пытался освободиться, но безуспешно.

Накануне вечером шотландцы и англичане яростно сражались в широкой холмистой долине. В пылу битвы всадники уносились вперед, оставляя на земле тех, кого выбили из седла. И только когда стало так темно, что невозможно было отличить друга от врага, бой прекратился. Неизвестно, чем он закончился, так как победитель определился где-то вдаль, за много миль от этого поля.

Лахлан, черт побери, сам виноват в том, что с ним случилось, так как в эту вылазку на территорию Англии он отправился вместе с королем Джеймсом ради забавы. Он собирался доставить в замок Роксборо четыре пушки и фламандского мастера-канонира, который должен был обучить воинов стрельбе из них, и сразу же вернуться на корабль. Однако потом Лахлан изменил свое решение. После скучного, небогатого на события плавания на «Морском ястребе» из Нидерландов в Эдинбург

ему еще пришлось сопровождать в крепость огромные пушки, которые тащили волю в упряжках. Переезд был довольно утомительным, захотелось немного взбодриться и развлечься.

Когда он узнал, что король поведет небольшой отряд в Нортумберленд, чтобы отбить домашний скот, захваченный английскими разбойниками, то не смог устоять перед искушением и присоединился к нему. Ничто так не волнует кровь мужчины, как рукопашная схватка с давнишним противником.

Шотландцы не ожидали, что лорд Дакр, губернатор приграничных земель, сможет собрать такой хорошо вооруженный и значительно превосходящий по численности их собственный отряд. В результате увеселительная прогулка превратилась в смертельную битву.

Тягостные мысли Лахлана были прерваны чьим-то зовом о помощи. Лежавший неподалеку раненый английский солдат, который всю ночь стонал от боли, приподнялся на локте:

— Личестер! Сюда, сэръ! Это я, Уилл Джеффрис!

Прикрыв глаза, Лахлан наблюдал за ним. Он заметил, что появился еще один англичанин. Облаченный в великолепные доспехи, какие носили только знатные и богатые люди, тот ехал на огромном, покрытом попоной вороном коне. Он явно кого-то искал, так как вел под уздцы оседланного гнедого жеребца размерами поменьше, чем его. Этот конь явно ждал своего седока.

— Я здесь, маркиз, — едва слышно окликнул его юноша, назвавший себя Уиллом Джеффрисом.

Подняв дрожащую руку, он помахал ею; маркиз Личестер подъехал ближе к своему соотечественнику и спешился.

— Хвала Господу, — хрипло простонал Джеффрис. — Мне рассекли мечом бедро. Рана все время кровоточит. Я боюсь, что не доживу до утра.

Личестер не произнес ни слова. Подойдя к раненому, он опустился на одно колено и, приподняв, посадил его. Потом маркиз схватил парня за волосы, зажал в кулаке несколько золотистых прядей и, запрокинув назад голову юноши, ловко перерезал его незащищенное горло от уха до уха. Потом он спокойно вытер лезвие своего кинжала о камзол парня, взял мертвое тело на руки и, подняв его, перекинул через седло гнедого коня лицом вниз.

Английский вельможа огляделся по сторонам, очевидно проверяя, не видел ли кто-нибудь, как он совершил это хладнокровное убийство. Лахлан лежал неподвижно, затаив дыхание и прикрыв глаза. Убедившись в том, что его никто не видел, маркиз сел на своего коня и, подхватив поводья второго жеребца, ускакал прочь.

Лахлан медленно перевел дыхание.

Вот ведь сукин сын.

Он знал, что англичане — кровожадная нация, но даже не предполагал, что они способны убить беззащитного соотечественника на опустевшем поле боя.

Кто же этот ублюдок, совершивший подобное предательство?

Не прошло и нескольких минут, как легкий утренний ветерок донес до него тихий свист. Лахлан насторожился. А как же иначе, черт побери! Ведь он сам сочинил этот проклятый мотивчик для одной дамы, желая доставить ей удовольствие. Она же познакомила с этой песенкой весь королевский двор Шотландии, чем чрезмерно огорчила Лахлана и порадовала его младшего брата Кейра Мак-Нейла, который переделал изящные лирические стихи в непристойные куплеты. Они понравились всем, кроме автора и его возлюбленной. При дворе уже давно забыли, что первоначально эта песня была нежной любовной балладой, а не одой похотливой молочнице, любившей покувыркаться на сене с молоденькими конюхами.

Однако при сложившихся обстоятельствах, услышав надоевший припев, Лахлан чертовски обрадовался.

Когда свист приблизился, он смог разглядеть очертания всадника крупного телосложения. По весеннему полю, усыпанному трупами, на гнедом жеребце ехал его родной братец.

Опершись на локоть, Лахлан приподнялся и, заложив в рот два пальца, свистнул в ответ.

— Ты просто болван безмозглый, — усмехнулся Кейр. Спешившись, он подошел к брату и наклонился, заслонив своим телом восходящее солнце. — Неужели ты не знаешь, что, когда твой конь падает, нужно спрыгнуть с него?

— Я просто не успел этого сделать, — угрюмо ответил Лахлан. — А теперь, черт побери, давай вытаскивай меня отсюда.

— Нога сломана?

— Не думаю. Я целую ночь пролежал под конем, и у меня все тело онемело. Слава Всевышнему, ты нашел меня!

— Когда ты не явился в замок вместе с королем Джейми к началу танцев, я понял, что ты попал в беду, — язвительно усмехнувшись, сказал Кейр, и в его зеленых глазах зажглись озорные огоньки. — Я ведь знаю, что, если предоставляется случай приласкать какую-нибудь благородную даму, ты его ни за что не упустишь.

— Уверю тебя, что предпочел бы провести эту ночь в объятиях ласковых и нежных ручек, — признался Лахлан.

Негромко насвистывая, Кейр сначала отрезал плетеный шнур от валившегося рядом знамени, потом один конец шнура привязал к перед-

ней луке своего седла, а вторым концом обмотал мертвого коня. Слегка похлопав по крупу гнедого мерина, Кейр заставил его двинуться и оттащить труп в сторону.

— Только не спеши, мальчик, — сказал Кейр коню. — Сейчас, верзила, все нужно делать медленно и осторожно.

Когда тяжелую тушу наконец стянули с ног Лахлана, тот от боли стиснул зубы.

— Господь милосердный, — простонал он.

— Нет, это всего лишь я, — ободряюще улыбнулся Кейр.

Он отстегнул латы, защищавшие ногу Лахлана, и отбросил в сторону стальную пластину и наколенник, потом осторожно ощупал ногу, пытаясь определить, все ли кости целы.

— Перелома нет, — заверил он старшего брата и помог тому подняться на ноги. Он поддерживал Лахлана, забросив его руку на свои могучие плечи. — Стой на здоровой ноге, пока не восстановится кровооток.

Резкая боль буквально обожгла ногу Лахлана от бедра до самой ступни, когда онемевшая конечность начала обретать чувствительность.

— Ты случайно ночью не слышал, чтобы кто-нибудь здесь звал на помощь по-шотландски? — спросил Кейр, оглянувшись на мертвые тела солдат, лежавшие поблизости.

Покачав в ответ головой, Лахлан скривился и начал растирать затекшую ногу.

— Давай поскорее уберемся отсюда, — произнес он сдавленным голосом, — а то придется отбиваться от мародеров или еще того хуже. Я тут такое увидел! Расскажу, так ты не поверишь.

— Что случилось? — спросил Кейр.

Посмотрев в горящие любопытством глаза брата, Лахлан стащил с рук длинные перчатки.

— Расскажу по дороге.

Сев на своего коня, Кейр протянул ему руку. Преодолевая жгучую боль, он схватился за нее и забросил пострадавшую ногу на спину гнедого мерина.

Обхватив младшего брата за талию, Лахлан засунул пальцы под ремень Кейра.

— И не надо всю дорогу до Роксборо насвистывать этот проклятый мотивчик, — проворчал он.

Раскатистый хохот Кейра громом разнесся в утренней тишине.

— И это твоя благодарность за то, что я приехал тебя спасать? — ответил он, тряхнув своей черноволосой головой. — Мне, между прочим, пришлось отложить очень выгодную партию: у меня на руках бы-

ли такие карты, что я мог выиграть целое состояние. В следующий раз, когда нужно будет выручать тебя из беды, обращайся к Рори.

— А где, черт возьми, наш старший брат?

— Думаю, что в это самое время лейрд¹ Мак-Лин греет свой зад возле пылающего жарким пламенем камина в замке Стелкейр. Он все еще в горах, парень. Там, где нам всем надлежит быть.

Лахлан презрительно фыркнул, вспомнив свой безрассудный поступок.

— В следующий раз, когда король Джеймс захочет отправиться в Нортумберленд, взяв с собой небольшой отрядец, чтобы слегка пожить за счет грабежа, я тоже буду там.

— Поедешь вместе с королем?

— Нет, буду греть свой зад в Стелкейре рядом с Рори.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Июнь 1503 г.

Дворец Колливестон

Нортгемптоншир, Англия

Орансин стояла вместе с другими фрейлинами, наблюдая со своего места за горцами, которые уверенной походкой прошествовали в тронный зал Тюдоров. Двенадцать шотландцев, облаченных в красно-черные килты и береты, украшенные перьями, в чулках и башмаках с пряжками, приблизились к его величеству Генриху VII, милостью божьей королю Англии, Уэльса и Ирландии. Они шли, гордо подняв головы, широко расправив плечи и выпрямив спины, словно солдаты, несущие алебарды.

Их предводитель был необычайно высоким — выше всех мужчин, находившихся в зале. Даже выше английских рыцарей, которые с таким мужеством и отвагой сражались в битве при Кале². Его длинные рыжевато-каштановые волосы, стянутые бархатной ленточкой, свисали на спину. Клетчатый плед был пристегнут к красному жилету длинной, отделанной драгоценными камнями булавкой и наброшен на широкое мускулистое плечо. В правом ухе сверкал огромный рубин, поражая своей изысканностью и великолепием.

¹ Так именуют лорда в Шотландии. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

² Историки свидетельствуют, что английская армия тогда состояла из профессиональных воинов, набранных посредством специального отбора.